

И всё же она не могла сердиться на этого сына. Но в глубине души ей всё же хотелось поговорить с ним по душам, надеясь обрести его понимание и согласие. Как ни старайся, этот ребёнок оставался упрямым, день за днём толкуя о даосском «недеянии» Лао-цзы и Чжуан-цзы.

Наложница Чэнь Лю как раз размышляла об этом, когда внезапно услышала снаружи возглас о прибытии императора. Поспешно взяла она Сяо Юньсяна за руку и вышла навстречу.

Сяо И сошёл с паланкина и заметил, что на руке Сяо Юньсяна остались пятна туши. Он улыбнулся: «Юньсян, опять пишешь? Что на этот раз? Дай отцу посмотреть».

Сказав это, он уже вошёл внутрь. Дворцовые служители, услышав, поспешили подать только что написанный свиток. Взглянув на него, Сяо И не смог сдержать смеха: «Почерк Юньсяна и вправду становится всё лучше. Когда Ван Фу назвал тебя редким талантом в живописи и каллиграфии, я-то считал, что это лишь лестные слова. А теперь вижу — просто я тебя недооценил».

Выслушав это, Сяо Юньсян ответил: «В иероглифах нет высоты или низости, различает лишь сердце».

«Ха-ха-ха, как глубокомысленно звучит, прямо прозрение в чань-буддизме достиг. Ты принц, и то, что ты держишься мысли о «недеянии», конечно, хорошо. Жаль только, дерево хочет покоя, а ветер не унимается. Ты хочешь бездействовать, но как раз находятся любители поднимать ветер и волны. И что ты с этим сделаешь?»

Стоявшая рядом наложница Чэнь Лю слушала с тревогой на сердце, понимая, что его слова несут скрытый смысл. Но, будучи уверенной, что не оставила никаких улик, сохранила бесстрастное выражение лица.

Сяо Юньсян ответил: «Сын просит об одном».

Сяо И спросил: «Ты редко о чём-либо просишь. Говори, что такое?»

«Сын желает как можно скорее переехать в дом князя Ляна».

«О? Это что же — вырос и дома не усидел? Или хочешь перебраться туда, где нет бурь?»

«Буря — в сердце».

Услышав это, Сяо И не смог сдержать громкого смеха: «Верно говоришь, буря — в сердце. Куда ни переезжай — всё бесполезно. Если ветер силён, дерево всё равно будет задето. Я велю поторопить строителей, разрешаю переехать после Нового года. Хорошо?»

«Благодарю отца!» — Сяо Юньсян склонился в земном поклоне.

Сяо И немного посидел, затем поднялся и ушёл. Наложница Чэнь Лю, увидев, что он удалился, повернулась к любимому сыну: «Юньсян, ты что, хочешь свести мать в могилу?»

Сяо Юньсян не ответил. Он лишь опустил на колени, трижды ударился лбом о землю, после чего вернулся в комнату продолжать занятия каллиграфией.

Сяо Чэн только переступил порог тюрьмы, как увидел людей из дома князя Чжао, ожидающих его снаружи. Он молча сел в паланкин. Вереница людей вернулась в дом князя Чжао, где Гу

Цзинхуа уже давно поджидала у входа. Взявшись за руки, они вошли внутрь. Гу Цзинхуа отослала всех слуг и сказала: «Ванье, ты претерпел лишения. Твоя наложница ни на что не пригодилась, не смогла придумать, как тебя спасти».

«Ванфэй, должно быть, и тебе здесь пришлось несладко. Но к чему такая серьёзность? Что случилось?»

Гу Цзинхуа сказала: «Сейчас есть два дела, о которых необходимо немедленно доложить ванье. Не так давно в заброшенном храме нашли мечника в белом, лежащего без сознания. Прохожие, обнаружив у него знак нашего дома князя Чжао, доставили его сюда. Но я опросила всех, и никто его не знает. Лишь твой личный слуга сказал, что тот однажды спас тебе жизнь за городскими стенами. Я не рискнула оставить его в доме князя Чжао, опасаясь неприятностей, и разместила в доме генерала. Но недавно отец отбыл на войну в государство Дянь, в доме никого нет, лишь моя сестра Цинмо, овдовевшая, живёт там. Тоже не лучший вариант».

Выслушав, Сяо Чэн понял, что это Цинь Синь. В душе его шевельнулись тревога и сомнения, ему почудилось, что дело не так просто. Он кивнул: «Позволь мне немного отдохнуть день, завтра я встречу с ним. Оставить или отпустить — будет решение. А что со вторым делом?»

Тогда Гу Цзинхуа рассказала о том, как Коу Чаомина сослали на дальнюю границу. Сяо Чэн слушал, не переставая хмуриться. В сердце его закралось подозрение: как это так вышло, что Коу Пэн столкнулся на улице с Сяо Ляном, наговорил дерзостей и был убит на месте? Но даже если отец не стал его винить, зачем было наказывать Коу Чаомина? По логике вещей, Сяо Лян должен был знать, что тот — его, Сяо Чэна, доверенное лицо. Учитывая их дружбу, он непременно должен был бы заступиться. К тому же убийство на улице — не в стиле Сяо Ляна. Неужели он и вправду так затаил злобу за то, что я использовал его, чтобы подставить Сяо Чжэна?

Видно, впредь нужно быть настороже, нельзя больше ему доверять. Хотя, подумав о том, как он сам поступил, если бы их отношения остались прежними, это было бы явной фальшью. Дойдя до этой мысли, Сяо Чэн немного успокоился — этот путь и вправду был узким. Только вот у Сяо Ляна не было опоры, а теперь ещё и мать с братом погибли, осталась лишь отцовская любовь. Поняв это, он перестал размышлять.

На следующий день Сяо Чэн явился выразить благодарность Сяо И, после чего отправился в Павильон Спящего Феникса навестить Сяо Ляна. Едва переступив порог, он увидел, как Сяо Лян о чём-то беседует с юным телохранителем, явно подтрунивая над ним.

«Сяоци, старший брат пришёл проведать тебя».

Увидев его, Сяо Лян поспешно отослал всех слуг, взял Сяо Чэна за руку и усадил в главном зале. Не дожидаясь, пока тот заговорит, он тут же склонился в поклоне: «Прошу прощения у второго брата. Сяоци не смог лично явиться в дом князя Чжао, и это вынудило второго брата потревожиться».

Сяо Чэн, видя такую почтительность, почувствовал себя ещё более неловко, решив, что из-за его использования они с Сяо Ляном стали чужими. Хотя Сяо Лян и переживал из-за того случая, он считал, что всё уже выяснилось, второй и четвёртый братья не пострадали. Пусть на душе и было горько, проявлять это не следовало. Всё его внимание занимало дело Коу Чаомина и то, как объясниться с Сяо Чэном. Ведь с тех пор, как Сяо Чэн угодил в тюрьму, на него обрушился шквал обвинительных меморандумов, сильно ослабивших его фракцию. А с делом

Коу Чаомина ситуация и вовсе стала катастрофической.

Сяо Чэн поднялся и также поклонился в ответ: «Второй брат в прошлый раз поступил неподобающе, надеюсь, Сяоци сможет простить».

Сяо Лян поспешно ответил: «Второй брат, не говори так».

Они обменялись улыбками. Один в душе ощутил облегчение, другой же лишь глубже погрузился в пучину подозрений. Сяо Чэн выслушал, как Сяо Лян вновь пересказал события того дня в Башне Ифэн, и сказал: «Я уже слышал об этом. Винить седьмого брата не в чем. Коу Чаомин не сумел должным образом воспитать сына и заслуживает наказания».

Услышав это, Сяо Лян почувствовал облегчение на сердце. Он понимал, что после всего случившегося ему будет трудно с Сяо Чэном быть откровенным как прежде. Он подумал, что, пожалуй, стоит меньше общаться с братьями, чтобы меньше впутываться в их дела. Он не желал втягиваться в эту игру. Теперь он хотел лишь, искусно лавируя между сторонами, обрести покой и равновесие и, как мечтала его матушка, стать богатым и знатным ваном.

Поговорив ещё немного, Сяо Чэн наконец собрался уходить. На полпути он внезапно резко обернулся. Юный телохранитель рядом с Сяо Ляном тут же шагнул вперёд. После обмена ударами ладонями юноша, казалось, несколько напрягся. Сяо Чэна же отбросило на несколько шагов, и в душе он поразился недюжинному мастерству этого человека.

«Второй брат, что ты делаешь?» — спросил Сяо Лян.

«Ничего. Говорят, этот телохранитель прислан отцом для твоей защиты, и это он убил Коу Пэна. Я просто хотел испытать его умения», — ответил Сяо Чэн.

Услышав это, Сяо Лян понял, что это из-за того, что Юнь Чжао убил Коу Пэна, и Сяо Чэн хотел проучить его. Он поспешно сказал: «Второй брат, Юнь Чжао несколько дней назад, добывая лекарство для моей Снежной вороны, получил лёгкое ранение. Сейчас ему не стоит напрягаться. Только что, обмениваясь с тобой ударами, он не рассчитал силы. Если причинил тебе вред, прошу, прости его, великодушный».

«О? Он ранен, а всё же смог отбросить меня. И вправду искусный боец, не зря человек отца. Не беспокойся, второй брат не придаст этому значения», — сказал Сяо Чэн и вышел, краем глаза заметив на боку Юнь Чжао проступившие капли крови.

Увидев, что он ушёл, Сяо Лян тут же отвёл Юнь Чжао в сторону и спросил: «Второй брат всего лишь пошутил, как же ты мог с ним скрестить руки? Думаю, он вряд ли стал бы по-настоящему покушаться на твою жизнь. В следующий раз не будь так опрометчив».

Юнь Чжао, выслушав, замотал головой: «Только что он испытывал мои умения, вероятно, желая отомстить за Коу Пэна. Полагаю, седьмой ванье тоже это понимает. В конце концов, он — князь Чжао, а я — всего лишь телохранитель. Мне и вправду не следовало с ним меряться силами».

Юнь Чжао отлично понимал: когда Сяо Чэн сказал, что он «человек отца», это наверняка было намёком Сяо Ляну — остерегаться его. От этого на душе стало неприятно. Хотя он всегда следовал за Сяо Ляном, но действительно подчинялся распоряжениям Сяо И. Однако несколько дней назад, когда он получил ранение, спасая Цинь Синя, Сяо Лян не только не обвинил его, но и сам дал ему лекарство. За это Юнь Чжао был ему невероятно благодарен.

<http://bllate.org/book/15946/1425683>